

Произведенія Чехова въ Японіи.

Казалось бы, что А. П. Чеховъ лаконичностью своихъ рассказовъ, манерой чисто японской, долженъ особенно нравиться японцамъ. Онъ и дѣйствительно нравится, о чемъ свидѣтельствуется обстоятельство, что за переводы его рассказовъ взялся наиболѣе популярный въ Японіи писатель „Коію“, нынѣ уже умершій. Коію перевелъ для японскихъ журналовъ нѣсколько рассказовъ Чехова и возбудилъ ими общее вниманіе. Въ литературныхъ кругахъ Японіи Чехова и Коію считаютъ равными по таланту и манерѣ письма. Оригинальныя вещи японскаго писателя точно такъ же отличаются чеховскою лаконичностью, но, само-собой разумѣется, по нутру это два разныхъ писателя. Излюбленнымъ конькомъ Коію было описаніе любовныхъ эмоцій, такъ что въ этомъ отношеніи онъ скорѣе подходитъ къ Мопассану. О силѣ его таланта судить, конечно, трудно, такъ какъ Коію такъ же мало извѣстенъ Россіи, какъ и Чеховъ Японіи. Малая распространенность Чехова въ Японіи объясняется трудностью русскаго языка для японцевъ. Этимъ же объясняется, конечно, малая извѣстность тамъ и Пушкина. Сильное увлеченіе японцевъ Горькимъ и Толстымъ имѣетъ тоже простое объясненіе. Извѣстно, что М. Горькій и Л. Н. Толстой тотчасъ по выходѣ ихъ на русскомъ языкѣ, а иногда и ранѣе того, переводятся на нѣмецкій и англійскій языки. Благодаря этому обстоятельству, японскіе переводчики, прекрасно знакомые съ обоими названными языками, переводятъ немедленно съ нихъ на японскій и Л. Толстого и М. Горькаго, и даже болѣе молодого изъ писателей русскіхъ Л. Н. Андреева. Покойный Чеховъ, всегда чуждавшійся меркантильныхъ и иныхъ расчетовъ, не сумѣлъ устроиться подобно своимъ коллегамъ и поэтому остался въ тѣни.